

НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ОЛИВЕР ПЁТЧ

Доцр Палаца
и
Дьявол из Бамберга

МОСКВА

2017

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44
ПЗ1

Oliver Pötzsch
DIE HENKERSTOCHTER
UND DER TEUFEL VON BAMBERG

© by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. Published in 2014
by Ullstein Taschenbuch Verlag

Оформление серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на обложке *Виталия Аникина*

Пётч, Оливер.

ПЗ1 Дочь палача и дьявол из Бамберга / Оливер Пётч ; [пер. с нем. Р. Н. Прокурова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 704 с. — (Новый шедевр европейского детектива).

ISBN 978-5-699-97783-3

Якоб Куизль — грозный палач из древнего баварского городка Шонгау. Именно его руками вершится правосудие. Горожане боятся и избегают Якоба, считая палача сродни дьяволу...

Осенью 1668 года нечистая сила овладела славным городом Бамберг. Сначала к берегам реки стало прибывать человеческие конечности, затем на улицах появились обезображенные трупы... А недавно люди видели неведомого дикого зверя, рыскающего по ночным переулкам... Оборотень, не иначе! И город охватила паника. В воздухе запахло дымом костров, грозящих испепелить любого несчастного, обвиненного в пособничестве дьяволу. Но Якоб Куизль, прибывший с семейством в Бамберг по случаю скорой женитьбы его брата (также местного палача), не боится оборотней. Ему и его дочери Магдалене предстоит разобраться с этим «нечистым» делом и предотвратить новые казни по «суду веры» — человеческие жертвоприношения, устраиваемые людьми во имя собственного страха и невежества...

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

© Прокуров Р.Н., перевод на русский язык,
2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97783-3

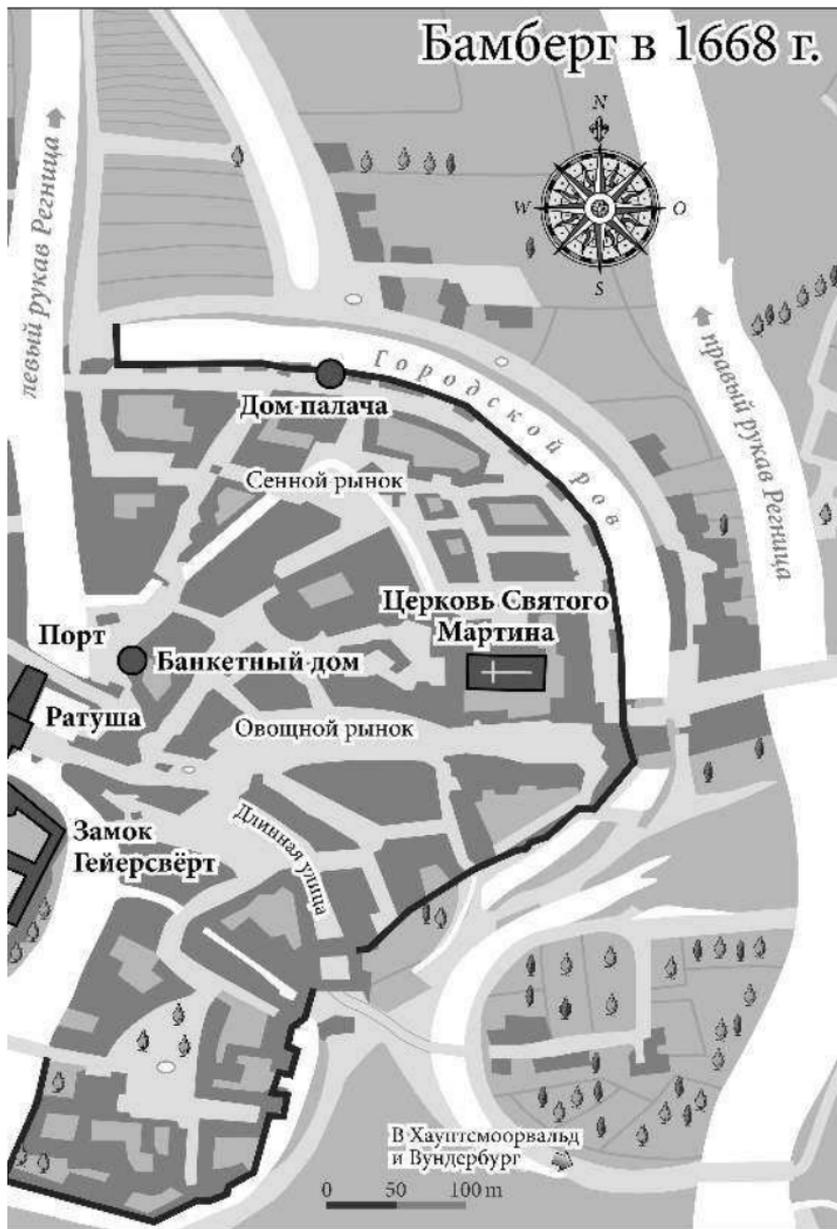
*Оливии,
новому члену семьи Куизлей.
Оставайся и впредь
такой же жизнерадостной,
даря улыбку этому серому миру.
И, как это принято среди потомков
палачей, твердой тебе руки!*

К чему прилагать столько усилий в поисках колдунов? Послушайте меня, судьи, и я скажу вам, где их найти. Хватайте капуцинов, иезуитов, кого угодно, подвергните их пыткам — и они признаются. Если кто-то лжет, повторите пытку в третий, четвертый раз — и они признаются. Если вам и этого мало, хватайте прелатов, каноников и отцов церкви — и они признаются. Ибо как могут эти изнеженные, утонченные мужи что-либо вынести?

*Фридрих Шнее фон Лангенфельд
Cautio criminalis, 1631 год
от Рождества Христова*

Бамберг в 1668 г.

РОДОСЛОВНАЯ КУИЗЛЕЙ

Йорг Абриль — родоначальник династии, служил палачом во время Большого процесса над ведьмами в 1589 году в Шонгау

Иоганн Куизль — зять Йорга Абриля, перенявший его тяжелое ремесло

Якоб Куизль — упрямый, находчивый и молчаливый; крайне неохотно заговаривает о своей прошлой жизни — солдатом в армии Тили

Анна-Мария Куизль — возлюбленная Якоба, также отмеченная его темным прошлым

Бартоломей Куизль — младший брат Якоба, связанный с ним любовью и взаимной ненавистью; любит животных и чурается людей

Элизабет Куизль — сестра Якоба, когда-то сбежала с цирюльником в Регенсбург

Магдалена Фронвизер — умна и своенравна, не желает мириться с жизнью дочери палача

Симон Фронвизер — любопытен, начитан и немного пуглив; любит кофе, книги и дорогую одежду

Георг Куизль — когда-нибудь займет место палача в Шонгау

Барбара Куизль — красива, как сестра, и столь же остра на язык

Петер и Пауль — внуки Якоба Куизля, совершенно не похожие друг на друга, порой выводят деда из себя

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семья Куизлей

Якоб Куизль – палач Шонгау

Бартоломей Куизль – его брат, палач Бамберга

Магдалена Фронвизер (урожденная Куизль) – дочь палача

Симон Фронвизер – цирюльник Шонгау

Близнецы Георг и Барбара Куизль – дети Якоба

Петер и Пауль – дети Симона и Магдалены Фронвизер

Горожане Бамберга

Мастер Самуил – городской врач и лейб-медик епископа

Катарина Хаузер – нареченная Бартоломея Куизля

Иероним Хаузер – отец Катарины, городской секретарь

Мартин Лебрехт – капитан городской стражи

Адельхайд Ринсвизер – жена аптекаря

Бертольд Лампрехт – хозяин трактира «У лешего»

Иеремия – его управитель

Алоизий – помощник палача

Ансвин – старьевщик

Маттиас – сторож и пьяница

Артисты

Сэр Малькольм – руководитель труппы бродячих актеров

Жискар Броле – руководитель второй труппы и непримиримый соперник сэра Малькольма

Маркус Зальтер – драматург и актер

Матео – юный артист и мечта всех девиц

Некоторые из городских советников

Георг Шварцконц – торговец сукнами

Тадеуш Васольд – старейшина Совета

Корбиниан Штайнкюблер – канцлер епископа

Магнус Ринсвизер – аптекарь

Якоб Штайнхофер – ткач

Церковные сановники

Филипп Валентин Войт фон Ринек – архиепископ Бамберга

Себастьян Харзее – викарий Бамберга

Иоганн Филипп фон Шёнборн – курфюршеский архиепископ Вюрцбурга, епископ Вормса и Майнца

ПРОЛОГ

*Шонгау 16 февраля 1626 года
от Рождества Христова*

В день, когда отец принял мучительную смерть, Якоб Куизль решил навсегда покинуть родной город.

Февраль выдался самым холодным, какой можно припомнить. С крыш свисали метровые сосульки, старые балки фахверковых домов скрипели и стонали под наледью, словно живые. И все-таки вдоль Рыночной улицы, протянувшейся от ратуши до самых ворот, столпились сотни зевак. Все кутались в платки и меха; те, что побогаче, — в теплые плащи с капюшонами, подбитые медвежьим или беличьим мехом. У бедняков обмороженные лица и ноги кое-как были прикрыты рваными лохмотьями. Молча, но с алчным блеском в глазах горожане смотрели, как небольшая группа прокладывала путь сквозь толпу. Вот она вышла через северные ворота и двинулась по широкой, укрытой мокрым снегом дороге к лобному месту. Точно псы, взяв кровавый след, люди потянулись за приговоренным, четверкой скучающих стражников, вооруженных алебардами, и палачом с двумя помощниками.

Якоб с отцом шли впереди. При этом Иоганн Куизль то и дело спотыкался и вынужден был опираться на старшего, четырнадцатилетнего сына. Как обычно перед казнью, палач пил до самого утра. Поэтому в последние годы, когда требовалось отрубить голову, у него дрожали руки. Но хуже, чем сегодня, еще не бывало ни разу. От Иоганна Куизля несло перегаром, он был бледен, как покойник, и едва переставлял ноги. Хорошо, что сегодня казнь предстояла относительно простая. Подпалить костер в случае чего могли и Якоб с младшим братом Бартоломеем.

Якоб украдкой покосился на приговоренного. Избитый и в рваном тряпье, он походил скорее на обитающее в пещерах существо, нежели на человека. Ганс Ляйнзамер последние годы жил как зверь и как зверь же должен был теперь издохнуть. Многие встречали старого пастуха, когда собирали хворост или травы в лесу. Ганс был глуп, как его овцы, даже близок к слабоумию, но до сих пор все считали его безобидным. Только дети пугались, когда он приближался к ним с беззубой ухмылкой, гладил по голове, пуская слюни, или протягивал сладкое угощение. Якоб тоже несколько раз видел Ганса на полянах, когда гулял с Бартоломеем и Элизабет по лесу вокруг Шонгау. Трехлетняя Лизель крепко стискивала Якобу руку, а Бартоломей тем временем бросался в Ганса шишками, пока тот не скрывался с воплями. Мать часто предостерегала детей от общения с бездомным бродягой, но у Якоба его вид вызывал скорее жалость. А вот двенадцатилетний Бартоломей, наверное, вздернул бы Ганса на ближайшем дереве, воронам на корм. Сколько Якоб помнил брата, животные

были ему куда ближе, чем люди. Бартоломей выхаживал больного ежа — и в то же время помогал отцу дробить кости подозреваемому. Предвзятость, которой Якоб не в силах был понять.

Он с грустью смотрел, как старый, немного помешанный пастух, точно какой-нибудь зверь, ковылял связанный к лобному месту. Как корова, Ганс таранился на горожан, кое-кто из которых швырял в него снежками и грязью и осыпал насмешками. Рот его кривился в беззвучных криках, бедняга всхлипывал и выл. Якоб сомневался, что Ганс вообще признавал, почему должен умереть сегодня...

Это случилось сразу после праздника Богоявления. Восьмилетняя Марта, младшая дочь бургомистра, случайно наехала на старика, когда каталась на санках в лесу. Тот бросился на нее, словно волк, и после никто не мог объяснить почему. Хотел поиграть с девочкой? Или испугался при виде несущихся на него саней? Марта визжала как резаная. Когда примчались другие ребята, Ганс уже сорвал с нее платье. Наконец подоспевшие дровосеки скрутили пастуха и притащили в застенок Шонгау. На дыбе он признался в самых гнусных преступлениях. Будто все эти годы, точно зверь, сношался со своими овцами, а Марту утащил в свою повозку, где собирался изнасиловать и убить.

Глядя теперь на лепечущего Ганса, Якоб не мог представить, как старик вообще умудрился выговорить такое признание. Не говоря уже о том, чтобы это было правдой.

Между тем они пришли к месту казни, — расположенное за пределами города, оно представляло собой широкую расчищенную площадку, где Якоб с

Бартоломеем еще накануне сложили рядом с эшафотом высокий костер. Лестница вела к столбу с цепями, который торчал из кучи хвороста, образуя центр небольшой дощатой платформы. Краем глаза Якоб заметил, с какой гордостью Бартоломей взирает на костер, и почувствовал легкое отвращение. Впервые Барту позволили помочь старшему брату с приготовлениями к казни, и день, когда Гансу был объявлен смертный приговор, стал для мальчишки праздником. Наконец-то воплотится его мечта — пойти по стопам отца и обожаемого брата. Якоб не понимал этого почитания со стороны Бартоломея. Он часто насмехался над неповоротливым братцем и втайне даже презирал его. Что не мешало Барту следовать за ним, как собачонка. Бартоломей смотрел, как Якоб чистил камеру пыток, вязал петли для повешения или точил меч, потому что отец был для этого слишком пьян. И в душе Якоб понимал, что когда-нибудь Бартоломей станет палачом лучшим, чем он сам.

Якоб же решил в будущем отказаться от этой профессии. Но разве у него был выбор? Сын палача становился палачом, если не желал наниматься вонючим живодером. Таков был закон, тщательно разделявший низкие профессии от остальных. Единственный выход предоставляла Большая война, которая много лет бушевала в стране и жаждала солдат — неважно, какого низкого они были происхождения.

— Что с отцом-то творится? — прошептал рядом Бартоломей и вырвал Якоба из задумчивости.

Они стояли возле костра, и толпа не сводила с них нетерпеливых взглядов. Бартоломей беспокойно кивнул на отца. Тот, несмотря на мороз, вытирал пот со лба и пытался не потерять равновесие.

— Старик на ногах кое-как держится... Уж не заболел ли?

К лобному месту тем временем подошли и четыре бургомистра с прочими высшими патрициями. Вместе с судебным секретарем и парой сотен зрителей они образовали круг, обступив палача с помощниками и приговоренного. Не в первый раз Якоб испытал тревожное чувство, будто его самого сейчас казнят.

— А что с ним может быть? — прошипел он, пытаюсь сохранить самообладание, между тем как вокруг поднимался тихий ропот. — Напился, как всегда! Мы можем только молиться, чтобы он сам себя не подпалил.

Бартоломей неуверенно пожал плечами.

— А может... может, у него все-таки лихорадка? — пробормотал он. — Сейчас много кто заболел, мама вон тоже хворает...

Якоб закатил глаза. Он терпеть не мог, когда Бартоломей выгораживал отца. Хотя, возможно, причина в том, что отец давно отвернулся от Якоба, когда узнал, что старший сын не пожелал идти по его стопам. Якоб с радостью полюбил бы отца — вот только не получалось. Иоганн Куизль был пьяницей и неудачником. Прежде, да, он был палачом, почти таким же грозным, как его тесть, Йорг Абриль, который во время знаменитого процесса над ведьмами замучил, обезглавил и сжег более шестидесяти женщин. От деда братья унаследовали те странные книги, которые Бартоломей любил едва ли не больше, чем своих больных зверей, и по меньшей мере раз в неделю доставал с отцом из сундука. Они служили в семье напоминанием о славных, кровавых временах, когда их имя еще что-то значило. Но эти времена давно